

Поэзия

✍ Олег Кудрявцев

Щепка мечтает стать деревом,
Но дерево в пламени корчится.
Море мечтает о берегу,
Но все берега скоро кончатся.
Дышит бескрылый полётами –
Не всем суждено быть икарями.
Точки становятся нотами,
Но песни рождаются старыми.
Жизнь после жизни.
Смерть после смерти.
Взгляд – от печали до радости.
Вздых – за секунду до вечности.
Каждый мечтает о святости –
Святость моднее сердечности.
Память – пустым откровениям.
Слава – безликим подобиям.
Ноль станет чьим-то спасением,
Крест будет чьим-то надгробием.
Жизнь после смерти.
Смерть после жизни.
Я знал исход –
я время мерил по себе,
И каждый год я слышал лето
в декабре.

А утром тот же снег
Шёл за моим окном.
Бескрылый взял разбег
И рухнул в снег крестом.

До самого дна –
Огни этажей.
На них имена
Уставших людей.
До самого дна –
Двенадцать шагов.
Слепая вода,
И нет берегов.
До самого дна
Горят этажи,
И, кажется, жизнь
Проста, как слова.
Пустая вина –
В крови молоко.
До самого дна
Не так высоко.
На память стоп-кадр –
Мажорный аккорд.
Чужой санитар
Прикрывает отход.
Извечная блажь –
Другим как себе...
Последний этаж.
Круги по воде.

Прикрываю огонёк от ветра.
Угощает огонёк дымом.
«Беломорканал» – ретро.
Кто и что сказал – мимо.
Мимо шляпы пролетел рублик.
От того ли я так беден?
Голова, вроде, есть, руки...
Полцирует ладони ветер.
Ух, как здорово, когда гладко.
По-отечески горек дым.
Обещаю – кланюсь закладкой –
Обязательно стать седым.
Всё сбылось. Обещаньям верен.
А на днях прочитал где-то:
«Беломорканал» – вреден,
А кто и что говорит – ретро.
Прикрываясь, спешу мимо
Чьей-то шляпы – знакомой, кстати.
Вспоминаю его имя...
И не вспомню – кого ради?

Был у меня друг, да не стало
его этим дымным,
чортовым летом,
накренившимся так устало
к августу.
Песня спета.
Что теперь уж гадать –
спёкся, спился,
подлецом ли был или святым?
Одевайся, айда простимся.
Все там будут. Купим цветы
за углом, на той стороне
проспекта –
продащица, изнывающая
от духоты.
Это дымное, злое лето
не щадит ни людей, ни цветы.
Как венки из бумаги,
шептались скорбящие
в ожидании выноса
тела усопшего.

По ту сторону неба

Сегодня в нашей гостиной – стихи Олега Кудрявцева
(16 декабря 1973–19 мая 2022)

Олег Кудрявцев

За неполные две недели без Олега я почти привыкла говорить о нём: «был». И всё же на редакционных летучках первая мысль, когда не вижу его за нашим овальным столом в конференц-зале: «Наверное, на задании...» И сразу обжигает: нет у него больше заданий, мероприятий, дедлайнов. Он свободен. Свободен от сиюминутного и по-прежнему причастен к вечному.

Обозревателя «Магнитогорского металла» Олега Владимировича Кудрявцева помнят не только как автора блестящих материалов на производственную тематику, которые размещали федеральные СМИ, и соавтора книг об ММК, но и как отзывчивого, неравнодушного человека. Его оплакивают те, кому он помогал в трудную минуту. О своих добрых делах Олег никогда не говорил. И с той же скромностью отказывался публиковаться в литгостинной «ММ», как я его ни уговаривала. Поэтическими текстами

Олега Кудрявцева поделились друзья и коллеги. Их естественное желание – чтобы стихи нашли путь к широкому читателю, а не пылились в архиве.

Часть этих стихов – тексты песен группы Ad Astra, стиль которой знатоки альтернативной музыки относят к панк-фолку, к русскому гранжу. В Ad Astra соединились поэтический и музыкальный дар, артистизм и харизма Олега Кудрявцева. Посмотреть видеозаписи я решила не сразу – ещё слишком больно. И на сцене, и вне её Олег Владимирович искрился мальчишеским обаянием – красивый, стройный, пластичный, он казался моложе, чем написано в паспорте, – и в то же время его отличал философский взгляд на мир, без которого жизнь порой непереносима. Возможно, стихи и музыка были для него островом, куда он не спешил приглашать посторонних.

Прости, Олег, если мы поторопились.

✍ Елена Пещинская

По из местных отпел
второпях настоящее,
и оркестр отбубнил
из далёкого прошлого.
Нет, сперва отревела родня
и родители,
уронила большую слезу
одноклассница.
А потом – и оркестр с попом,
и соседи, и зрители,
любопытные...
Впрочем, какая вам разница?
...Был у меня друг, да помер.
Зарыли вчера в суглинок.
Осталась фотка в альбоме.
Остался платок с поминоком.

По ту сторону неба. . .

Кто куда, а я прямо наверх –
за глазами, снами, за облаками.
Поплевать на времени бег,
поболтать между делом ногами.
А ещё сверху видно, как ходят
трамваи на ту сторону неба...
Голосистый апостол, пропой
о любви самой верной на свете,
и о бренности жизни земной,
и о том, что такое бессмертье.
А ещё сверху слышно, как плачет
ребёнок по ту сторону неба...
Я отметил на карте маршрут,
я развёл маяки на всех крышах.
След не выдаст –
свои не сожрут.
Только тише,
пожалуйста, тише.
А сверху кажется,
будто все дороги ведут
к маякам по ту сторону неба...

Очень мало осталось. Не жалко.
Только плохо.
Снова плохо с утра.
Со мной ли?
Самой ли?
Слабо ли?
Молчание до хрипоты. Помню.
Не всегда глубоко там,
где не видно дна.
То же.
Та же.
Те же.
Раскалённую крышу выносит.
Жесть!
Ближе к обочине – целей голова.
Упаси.
Уноси.
Упарсин...

Тычет в лицо мне апрель
холодное дуло.
Ветер. Солнце в очковой оправе
дрожит, перекачивается.
Медленно, медленно, медленно
течёт время в настенных часах.
Направо – проспект, а налево –
киоск «Роспечать».
И туда, и сюда всего несколько
бодрых шагов.
Снова бросил курить.
И всё бы ладненько,
всё бы славненько,
только вот день ото дня
всё явственней кажется:
мая не будет.

Я никого о счастье не просил
И не искал от вдохновенья
средства...

Везёт меня случайное такси
В конец зимы,
до остановки сердца.

И, кажется, повеяло теплом,
И, вроде бы, дела мои неплохи.
А я сижу и думаю о том,
Зачем сидят вороны на дороге.

Она усеяна крестами и цветём,
Раскатана до дыр –
без сожаленья...
И ничего ей в имени моём,
И мне плевать
на встречное движенье.

А что столица – замуж не берут:
Свои – скопцы, а у гостей – заботы.
Там что ни день,
то праздничный салют –
Торжественный
и скучный до зевоты.

Вполне подъёмна тяжесть бытия,
И одиночество столетнее –
носимо...
Уже весна царапает края –
И полынья у берега Ишима.

Ещё полны глаза колючих льдинок,
но куплен в одну сторону билет.
Привет, страна
нечищенных ботинок,
небритых лиц и мятых сигарет!

Все входящие в почте – без имени,
Все отправленные – без ответа...
Я читал вам когда-то, и вы меня
Принимали тогда за поэта.

Спам ли, сплин –
всё мерещились черви.
Хоть не черти –
большое спасибо.
...Сеть кругом – широка и красива.
Остальное, пожалуй, нервы.

Остальное, похоже, творчество:
Жили-были... денки золотые...
По-над избранным –
сплошь пророчества:
В захолюстье ссылки прямые.

Без имён и ответов – завещано.
Прибран стол, и окно завешено.
Время спит в карандашном
огрызке.
Черновик. Никакой переписки.

...Истоптали алмазные жилы,
Исходили до неба дороги.
А поэты по-прежнему живы,
Только черти всё также двуноги...

Сон в зимнюю ночь
за секунду до пробуждения

Голоса. Чудеса.
Дверь в стене. Белый снег.
Пить, как жить.
Жить, как плыть.
Ждать и знать. Спать.
«Скорым» до границы-страницы.
По перрону прыгает птицелов.
Берегами рек полнокровных
Прямо в океан беспокройных снов.
Звон стекла или чья-то усмешка.
Чёт или нечет, орёл или решка.
И не убежать от погони,
Мокрых глаз и липких ладоней.
И дрогнет лёд, и прорастёт
назавтра трын-травой.
На чёрно-белом слайде –
капли-звёзды утренней росы.
А в окнах – ночь и сны,
и холод пополам с тоскою.
Все стрелки – прочь. И я забыл
перевести песочные часы.

Прозевал до утра.
Эта пуля навывлет – досадна.
Эта скорая на руку помощь
летит по дворам...
Ничего-ничего.
Не с тобой приключилось и – ладно:
Значит, можно зевать
или что там ещё – до утра.

Понесло по строке, и дрожишь
над разбившимся словом.
Всяк поймёт, что к чему,
потеряв ненароком тетрадь...
Записной графоман
оказался хорошим знакомым,
Остальные – в расход:
этим нечего было терять.

Остальных – на перо.
Что поделаешь с беглыми днями?
Стынет кровь, как чернила
на белом от снега листе.
Многоточье – смеётся взахлёб
над пустыми полями
И уходишь на следующий
круг или лад – налегке.

Что в углы намело – не ищи,
если нечего делать:
Суетился лукавый,
к полночи опередил.
А тебе – только пепел комет,
только звёздная перхоть.
Во дворе – бузина.
В холодильнике – аперитив.

Отошёл без мучений.
Привычно качаясь на стуле,
Тешишь лёгкие дымом и –
как тебя всё же назвать?
Санитары выносят за дверь
пепел, перхоть и пули.
И мелеют углы.
И стареет тихонько тетрадь.

Ничего-ничего. Не пусты рукава.
Всё – чужая молва,
недосолённый снег.
Мне с утра выпал смех.
Весела синева.
Не волнуйся – ей-богу –
сочтёмся к весне.